

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

МАРСИАНСКАЯ
КРЫСА

Сергей Фомичёв
Марсианская крыса

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Марсианская крыса / С. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746629-9

На законсервированный объект советской марсианской программы проникают два диггера и обнаруживают, что нечто, хранившееся в бункере вырвалось на свободу. А тем временем, единственный оставшийся в живых участник программы замечает слежку и пытается попасть в окружённый войсками город.

ISBN 978-5-44-746629-9

© Фомичёв С.
© Издательские решения

Марсианская крыса

Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2019

ISBN 978-5-4474-6629-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гидросамолёт заложил вираж, и Валерий Константинович Никитин, прильнув к окну, увидел остров. Он, похожий на зелёную лужайку, вдруг напомнил Никитину пасеку. Тростниковые хижинки с высоты казались ульями, а за дом пасечника вполне сходило трёхэтажное бетонное здание Клиники.

Островок этот не входил в ожерелье карибских жемчужин, воспетых авантюристами романами и путеводителями. Здесь не нашлось ни удобных бухт, ни роскошных пляжей, ни годных для разработки месторождений гуано. Табак и тростник росли плохо, а местных жителей колонизаторы издревле считали слишком ленивыми и предпочитали экспортировать живой товар из Африки. Когда европейские нации дрались за каждый клочок Вест-Индии, этот остров обходили вниманием. А когда пришло время обмена политических векселей, он без труда получил независимость.

С независимостью, впрочем, мало что изменилось. Ни бухт, ни пляжей, ни рентабельных залежей гуано на острове не появилось. Мало что изменилось и с тех пор, когда лет пятнадцать назад Никитин наведлся сюда с рекогносцировкой.

– Крокодил не ловится, не растёт кокос, – вывел Валерий Константинович печальную туземную парадигму.

Местные боги много раз пытались начать историю с чистого листа. Раз в три-четыре года на остров налетал один из знаменитых именных ураганов и сносил всё подчистую. Пальмы разлетались как семена одуванчика. Ещё раньше взмывали в небеса хижинки, чтобы просыпаться щепками где-нибудь над Кубой или Флоридой. Только старая голландская крепость и Клиника напору не поддавались и продолжали торчать якорями ландшафта. Потом ураган уходил, тростниковые хижинки вырастали заново. И жизнь продолжалась.

– Уф! А к вам не так просто попасть. По четвергам самолёт с Арубы, по понедельникам с Кубы. Не слишком оживлённая трасса?

Доктор разглядывал Никитина, а вернее его костюм, словно шупая глазами материал из которого тот скроен, и, похоже, размышлял, поддержать ли приветливый тон или добавить голосу строгости.

– Клиенты предпочитают пользоваться личными самолётами или яхтами, а местные жители довольствуются катерами, – ответил он нейтрально и жестом предложил гостю сесть.

– Понятно, – Никитин сел в кресло, – Но с моей яхтой вышла накладка. Её не успели построить.

Видимо с яхтой он пошутил неудачно.

– Работой с клиентами занимается менеджер, – строгости в голосе доктора чуть прибавилось. – Я только врач. Но мне доложили, что у вас особое предложение.

– Да. Особое. И я привык иметь дело с медиками, а не с менеджерами. Равно как предпочитаю наличные, а не карточки.

Никитин щёлкнул замками дипломата и выложил на стол восемь банковских пачек сто-долларовых купюр. Восемьдесят тысяч баксов. Сумма значительная, но не чрезмерная. Здесь

случались клиенты и побогаче. Случались. Последние годы, однако, таких становилось всё меньше. ФБР взяло Клинику под негласный контроль, надеясь отловить заметающий следы криминальный элемент, но как раз для него-то, для криминального элемента, операция бюро секретом и не являлась, а самый жирный клиент, не терпящий суеты и огласки, отсюда ушёл тотчас. В Азии теперь открывалось достаточно фирм, соблюдающих инкогнито клиентов, чтобы рисковать репутацией под носом у Штатов. Никитин был прекрасно осведомлён в местных делах, и потому предложил доктору ровно столько, сколько посчитал достаточным.

– «Звон гульдена – это звон наших цепей», как заметил некогда Кервин. Но гульден ушёл в историю и теперь можно сказать, что шелест долларов – это шелест нашей удавки.

– Никакого криминала, доктор, – заверил Никитин

– Надеюсь, – врач откинул крышку шкатулки. – Хотите сигару?

– Спасибо, не курю, – Никитин принялся. – Кубинские?

– Разумеется. Здесь табак растёт плохо. Но местные парни придумали хитрый бизнес. Они контрабандой доставляют сигары с Кубы, меняют ярлыки и продают как свои собственные. У нас тут каждый второй промышляет подобным образом. Труда почти никакого, что весьма устраивает наш ленивый народец.

– И власть закрывает глаза на нарушение эмбарго?

– Эмбарго противоречит нашим идеалам. Кубинцы называют свою страну островом свободы. Они неправы. В Карибском море каждый клочок суши – это остров свободы. Только одни отдают предпочтение травке, а другие строят социализм.

– А у вас процветает свобода медицинских услуг? – вернулся Никитин к делу.

– Это так, – согласился врач, окинув взглядом пачки банкнот. – Пластическая хирургия?

– Не угадали, – улыбнулся Никитин. – Трансплантация.

– Вот как? – доктор ещё раз посмотрел на пачки долларов, но уже с сомнением. На серьёзную операцию суммы явно не хватало, а за чем-то попроще не было смысла лететь на далёкий остров. – И что будем пересаживать?

– Аппендикс.

– Шутите?

– Ничуть. Вы пересадите мне аппендикс и получите восемьдесят тысяч. Операция несложная, так что думаю, мы сговоримся.

Доктор ещё некоторое время изучал клиента и, в конце концов, пришёл к мнению, что тот вполне серьёзен.

– Всё же не вижу смысла, – произнёс он задумчиво. – Нет, чисто гипотетически можно предположить пару версий. Аппендикс по некоторым новейшим данным, регулирует иммунную систему человека, по крайней мере, влияет на неё. Но даже если эта гипотеза верна, в чём у меня лично имеются серьёзные основания сомневаться, но допустим, то пересадка органа всё равно ничего вам не прибавит.

Выдвинув витиеватый тезис, доктор победоносно посмотрел на клиента.

– Отчего же? – поощрил продолжение Никитин.

– Чтобы трансплантат не отторгался организмом, вы вынуждены будете употреблять иммунодепрессанты, а значит подавлять тот самый иммунитет, который желаете культивировать, – заключил доктор. – Таким образом, игра не стоит свеч. Не говоря уж о риске, пусть и минимальном, от самой операции и риске куда большем от обладания аппендиксом. Перитонит, знаете ли, никто не отменял.

– Превосходно! – оценил мысль собеседника Никитин. – Но вы упустили ещё одну гипотезу, доктор. Мотив, если можно так выразиться, психологического свойства.

– Вот как?

– Да. Скажем, таким образом, я врачую комплекс неполноценности. Знаете, неприятно чувствовать себя ущербным. Без полного комплекта органов, так сказать.

– И все зубы у вас на месте? – усомнился во встречной версии доктор.

Никитин широко улыбнулся, показав комплект превосходных зубов. Но улыбка вовсе не избавила хозяина кабинета от сомнений.

– Признаюсь, вы сумели меня озадачить, – он повертел пальцами ручку и вернул её на место. – Теоретически мы можем пересаживать всё что угодно. За исключением, конечно, головного мозга. Но на практике дело ограничивается двумя десятками позиций. Понимаете, в цивилизованном мире считается неэтичным трансплантировать органы, которые не являются жизненно важными.

– Поэтому я и выбрал вашу клинику и ваш остров. Ведь вы этим занимаетесь, правда? Или мне дали неверный адрес?

– Иногда, – доктор потёр подбородок, затем решился. – Что ж, ваших денег вполне хватит на операцию. И я готов за неё взяться. Остаётся решить вопрос с донором. Нет, это конечно не сердце и даже не почка и любой из островитян согласится расстаться с ненужным отростком за скромную сумму. И всё же потребуется время и дополнительные расходы.

– Времени у меня нет, – отрезал Никитин. – Я рассчитываю успеть до кубинского самолёта. Но всё остальное пусть вас не беспокоит, доктор. Материал для пересадки у меня с собой.

– С собой, – кивнул тот растерянно.

– Да, – Никитин выложил на стол контейнер. – И ещё. Иммунодепрессанты нам не потребуются.

– Нет?

– Не потребуются, – подтвердил Никитин. – Все нужные бумаги с отказом от ваших медикаментов я подпишу. Так что никакие претензии вам не грозят. Да их и не будет, вы уж поверьте.

Доктор сдался. Он лишь заглянул в контейнер, но даже не стал расспрашивать, что за чудодейственная среда использована для хранения трансплантата.

– Тогда не будем терять время и приступим к осмотру, – он показал на ширму. – Прошу.

– У вас тут портрет Че Гевары, – заметил раздеваясь Никитин. – Увлекаетесь или так просто?

– Он врач, – ответил доктор. – Впрочем, точно такой же портрет висит в кабинете начальника местной тюрьмы.

– У команданте было много профессий, – согласился Никитин.

Исполованный шрамами живот клиента в очередной раз поставил врача в тупик.

– Вы что же, каждый год пересаживаете себе новый аппендикс?

– Вроде того, – ухмыльнулся Никитин. – Добавьте ещё один шрам, доктор, и мы разбежимся довольные друг другом.

– Ну, уж нет, обойдёмся без эдакого варварства.

Алёнка грустила. Тут ведь дело простое. Не нужно быть Нострадамусом или сказочным Мерлином, чтобы прочитать по звёздам или в пламени свечи её будущее. Такого у неё попросту не было, как ни выискивай на ночном небе нужную искорку, как ни всматривайся в пляску огня. Ничего. Ни единого просвета, никаких шансов. Сплошная тоска – долгая, тягучая, а в конце, скорее всего, одиночество. Денис всё чаще засматривался на девиц и, даже двигая по тротуару её инвалидное кресло, задерживал взгляд на обтянутых джинсами попках, на оттопыренных кофточках, на красивых мордашках.

Денис, конечно же, не признается в этом даже самому себе. Пока что он чувствовал себя героем. И окружающие, как могли, поддерживали этот образ. Парня хвалили соседи, ставил

в пример учителя и уважали одноклассники. Считали джентльменом, рыцарем, эдаким Ланселотом нашего времени.

Всё это были детские игры. А они, как известно, кончаются. Внезапно и навсегда.

Тем не менее, Алёнка была благодарна ему. Большинство подростков-инвалидов обучалось на дому или в специальных интернатах. Первые страдали от одиночества, вторым его не хватало, вернее их одиночество становилось коллективным, а что тут лучше, что хуже, спорный вопрос.

Она получила отсрочку. Денис на время вытащил её из этого ада. Он взял на себя каждодневный труд заходить за ней по утрам, привозить в школу, перевозить из кабинета в кабинет, возвращать домой и сидеть вместе с ней вечерам за домашним заданием. Она осталась в этой жизни. Зацепилась за кромку бездны. Надолго ли? Шесть лет минуло, и вот пошёл седьмой. Последний. С окончанием школы Денису придётся сделать выбор. И Алёнка не сомневалась, каким он будет. Даже если его не загребут в армию, он выберет нормальную жизнь, нормальную семью. Ей не будет там места.

Иногда ей хотелось подкатить к краю крыши или перемахнуть через ограждение балкона, закрыть вопрос одним коротким полётом. Вот только не находилось удобных для инвалидов подходов к пропасти.

– Опять полезешь в свои коллекторы? – спросила Алёнка, стараясь говорить как всегда – спокойно, ровно.

– Я не надолго, – заверил Денис. – Выходные и всё. Подработаю немного и вернусь. А тебя подлечат тем временем.

Подлечат, конечно. Будут пытаться гимнастикой, химией, электричеством, прекрасно зная, что прежде всего ей нужна операция, а без неё от реабилитации нет никакого толку. Но на операцию требовались средства, причём средства немалые, и хорошие врачи, и оборудование, а потому и проводили такие операции в другой клинике. Но выплаты за реабилитацию по медицинской страховке хотели получать здесь и сейчас. И таких как Алёнка безнадёжных клиентов на учёте стояло великое множество. И все знали о мошенничестве, но молчали. Те, кому позволяли средства, давно убрались из города. Остальные смирились. После курса они всегда покидали больницу измученными, но ещё никто не выходил исцелённым.

Денис едва успел на вокзал к московскому поезду. Чтобы не толкаться на узкой платформе среди встречающих, он уселся на лавочку. Состав ворвался на станцию на полном ходу и останавливался резко, со скрежетом, подчиняясь чужой воле неохотно. Вздрогнув, он замер, но электрические потроха локомотива гудели, давая понять, что остановка не будет долгой. Московский поезд стоял здесь всего две минуты. Пассажиры поспешно выгружались. Встречающие – родственники и знакомые – выхватывали приезжих, их вещи из тамбура, работая со слаженностью портовых грузчиков. Большинство тут же спешило к подземному переходу.

Поезд дал гудок и плавно тронулся. Платформа быстро опустела. Лишь человек лет тридцати остался стоять. Выглядел он скорее крепким, чем пухлым, хотя нюансы комплекции скрадывала просторная одежда. У его ног лежала большая серая сумка, вроде тех, что используют бойцы «Иностранного легиона», и какую можно носить и в руке, и на плече, и за спиной на манер рюкзака.

Денис поднялся с лавочки.

– Вы Михаил Черноусов?

– Да, – ответил тот, протягивая руку.

– Меня зовут Денис.

– А что Краевед сам встретить не смог?

– Я и есть Краевед, – улыбнулся Денис. – Это с вами мы пересекались на археологическом форуме.

Черноусов смерил его взглядом.

– Я представлял себе мужика... посолидней что ли. Эти сетевые аватарки сбивают с толку.

Денис пожал плечами. Он и сам рассчитывал встретить сверстника, ну или парня чуть старше. Ему казалось, что в тридцать лет лазить по коллекторам и канализации как-то не респектабельно. Уж Денис точно не будет. Ещё год-два поводит туристов по местным клоакам, скопит денег и откроет бизнес. Какой именно, он ещё не решил. Что об этом заранее думать. На какой денег хватит, такой и откроет.

– У меня есть время до понедельника, – сразу предупредил Денис. – Успеем осмотреть всё, а если повезёт, то провьёмся через перемычку.

– Тогда не станем медлить, – Черноусов подхватил сумку. – И давай на «ты» что ли, а то неудобно как-то?

Они не стали спускаться в подземный переход, а дошли до конца платформы и по дощатым мосткам перебрались на асфальтовую дорожку, идущую параллельно магистральным путям. Город, спланированный некогда как компактный рабочий посёлок, не удержал заданной градостроителями формы и с годами сильно вытянулся вдоль железной дороги. Тяга к инфраструктуре победила архитектурный план.

Они прошли через пустующие пакгаузы станции, долго шли по каньону новых микрорайонов, подступающих к путям почти вплотную, наконец, миновав мост, вышли на пустырь, отделяющий от города промзону. Полоса отчуждения напоминала саванну с песчаными холмами и чахлой, протравленной токсичными выбросами растительностью. Ближе к заводским корпусам зелени становилось больше, но, несмотря на одичавшие и разросшиеся цветники, Денис ощутил привычный слегка кисловатый привкус кирпичной пыли и старого железа.

Шершавые от ржавчины котлы, колонны, фермы, градирни. Развалившиеся кирпичные корпуса, дымоходы, трубы. Всё это было скреплено трубопроводами, сшито кабелями и проводами, связано переплетением рельсов, транспортных лент и асфальтовых дорожек.

И ни единого человека вокруг. Даже сторожа, всё ещё числящиеся в штатах обанкротившихся предприятий, старались не показывать носа. Здесь хорошо было бы снимать фильмы в жанре постапокалипсиса и сильно сэкономить на декорациях. Денис как-то даже попытался выйти на киношников, но выяснил вдруг, что те предпочитают натуре пластмассовые декорации модных дизайнеров. В чём тут крылся подвох, он так до конца и не разобрался, но подозревал, что дело в деньгах. Вместо режиссёров ему удалось заинтересовать журналистов, всевозможных чёрных копателей, туристов, ищущих экстремальных ощущений. В Японии нашёлся даже целый клуб чудаков, любящих побродить по индустриальным руинам. Странно, но именно японцы оказались ближе Денису по духу, чем журналисты, верстающие ко всему идеологическую подоплёку, или тот же Черноусов – охотник за артефактами советской эпохи. Японцы ничего не искали, никого не клеймили, а просто наслаждались пейзажем. Они знали толк в индустриальной эстетике и готовы были платить за удовольствие. Жаль, Япония далеко и клиенты оттуда добирались редко.

– Мрачно, – сделав несколько снимков на портативную камеру, оценил пейзаж Черноусов. – И что, все заводы стоят?

– Несколько предприятий работают, но не в этой части города. Здесь встало всё. Намертво. Восстановлению не подлежит. Теперь этот хлам даже не охраняют. Кое-что народ растащил на металлолом. Однако силёнок у людей на всё не хватило, а поставить дело на широкую ногу не нашлось вожака.

Вход в подземелье скрывал один из разрушенных дымоходов. Собственно лаз этот не являлся входом. Просто систему вентиляции секретного объекта строители вывели к дымоходу обычной котельной. Пока она работала, никому и в голову бы не пришло совать сюда нос. Но завод умер, котельная встала, а кирпичная кладка завалилась как раз там, где открывался колодец.

Черноусов достал из сумки комбинезон, каску с диодным фонариком, ещё один фонарь, обычный, был привязан шнуром к рукаву. Затем из сумки появились кошки, карабины, несколько мотков верёвки, альпинистская страховая система, противогаз. Буржуйская экипировка тянула на кругленькую сумму и, скорее всего те две сотни баксов, что Черноусов заплатил за услуги, были для него мелочью.

Денис остался в джинсах и брезентовой куртке. Из всего снаряжения при нём был лишь перочинный нож и фонарик – старый в помятом алюминиевом корпусе, но надёжный.

Вентиляционный колодец, снабжённый шатающимися проржавленными скобами, закончился в небольшой комнате. Сюда ещё доставал из пролома свет, образующий в центре столб искрящейся пыли. Вокруг столба на бетонном полу лежал пружинный матрас, подушки и валики от старых диванов, одеяла и тряпье, натасканные бомжами с ближайшей помойки. Вместо стола – несколько ящиков, прикрытых истерзанной ножами клеёнкой. На ней – одно-разовая посуда с какими-то ништяками, пустая бутылка, огарок свечи.

Запах стоял ужасный, но самих обитателей не было.

– Сейчас они пасутся на городской свалке. Возвращаются последней электричкой. Нам они не помешают.

– Надеюсь, – не очень уверенно заявил Черноусов.

Им пришлось ещё раз спуститься по какому-то колодцу и пройти длинным и узким коридором.

– Вот собственно и заслонка, – сказал Денис.

Коридор перекрывала железобетонная плита. Три дня назад она была сплошной и на взгляд Дениса непробиваемой, но теперь в ней зиял неровный пролом с торчащими как зубы в чудовищной пасти кусками арматуры.

– Не думал, что бомжи проберутся так далеко. Обычно их устраивает комната наверху. Там проходит паропровод и тепло зимой.

– Тем лучше, – сказал Черноусов. – Меньше работы. Хотя они могли и стянуть что-нибудь интересное.

На взгляд Дениса ничего интересного кроме двух запертых железных дверей в лаборатории не нашлось. По крайней мере, ничего такого, что можно загнать ценителям раритетов или о чём можно хотя бы написать на форуме. Старый компьютер, занимающий целую стену, пустой шкаф, несколько столов из нержавеющей стали, горка пластиковых кюветок в пересохшей и ржавой раковине. Лабораторная посуда превратилась в груды битого стекла, аккуратно сметённую кем-то в угол, да так там и оставленную. Однако клиент выглядел довольным. Снимал на камеру каждую вещицу, каждую надпись. Повздыхал у компьютера, так и не дерзнув прикоснуться к его пыльным клавишам, а затем долго и со знанием дела изучал нечто похожее на распределительный щит.

– Смотри-ка, они задействовали систему уничтожения, – он показал отвёрткой на кабель. – По идее здесь должно было выгореть всё. Бетонная заслонка упала, как и положено, но огнемёт почему-то не сработал.

– Огнемёт? Зачем тут огнемёт? – удивился Денис.

– А знаки биологической опасности, по-твоему, для красоты нарисованы?

– Биологической? А я думал, это яды так маркируют. Не знаю, у нас сроду ничего биологического не производили. Профиль наших заводов – химия. Чистая незамутнённая чёртова химия. Но я тебе так скажу. Атомные станции, радиоактивные отходы – всё это ерунда в сравнении с активной органикой. Химических заводов гораздо больше, за ними хуже присматривают, и что тут может образоваться, никто не просчитает.

– Уже, значит, не зря съездил, – кивнул Черноусов. – В архивах поискать нужно будет. Но шансов мало. Раздербанили архивы. А вот с местными старожилками поговорить, кто здесь раньше работал, пожалуй, будет не лишним.

– Если застанешь кого живым, – пожал плечами Денис. – У нас до пенсии мало кто доживает.

– Из-за химии? – спросил Черноусов.

– Из-за химии тоже, – кивнул Денис. – Но большей частью из-за водки. Спивается народ потихоньку.

– Ладно, – махнул рукой Черноусов. – Посмотрим, куда ведут эти двери. Думаю, отсюда должен быть нормальный выход. Не по вентиляции же люди на работу ходили?

Замки на дверях отсутствовали. Ни скважины для ключа, ни щёлочки для магнитной или перфорированной карты. Ручек или хотя бы углублений каких-нибудь не наблюдалось тоже, а петли если и предусматривались конструкцией, то надёжно скрывались в массивной стене. Но, скорее всего двери были сдвижные с электрическим или пневматическим приводом.

– Отожмём, – решил Черноусов и вытащил из сумки что-то похожее на домкрат.

– А знаки биологической опасности тебя не пугают? – осторожно спросил Денис. – Хрен его знает, что здесь намутили. Вирусы какие-нибудь или оружие бактериологическое. Вот же, блин, нашли место для опытов.

– Очко играет?

– Есть немного, – признался Денис.

Он и впрямь нервничал. А когда Денис нервничал, его пробивало на болтовню. Так что пока Черноусов расковыривал стену, надеясь подобраться к запорному механизму, он слово за слово выложил клиенту всё, что думал о нынешнем бедственном положении провинции в целом и родного городка в частности, упомянув и о роли в его упадке столичного бизнеса.

– Местных выдавили совсем. Все магазины ваши московские шишки держат. Прибыль на месте выкачивают, а налоги платят в столице. Ширпотреб – дрянь, продукты – дерьмо. Вместо колбасы шнягу какую-то вонючую продают. А ту, что на нашем комбинате делают, напротив, в Москву вывозят. Камазами!

– Камазами? – переспросил Черноусов, который как раз сунул руку в дыру по локоть и, повернув лицо, поймал взгляд Дениса. – А раньше что по-другому было?

– Да так же и было, – согласился Денис, подумав. – И в советское время колбасу вывозили, а народ за ней потом в Москву ездил. Поездами. Загадка даже такая ходила – длинное, зелёное, колбасой пахнет. Сам-то я мало что помню, но помню, как отец приносил с завода продуктовые наборы, и мать радовалась им, словно подаркам новогодним, а в магазинах-то пусто было.

Черноусов пытался что-то нащупать в дыре, но, судя по часто меняющимся точно в калейдоскопе гримасам, получалось у него не вполне. Денис между тем продолжал грузить москвича историями и фольклором бедной провинции, так что вскоре тот не выдержал.

– Слышь, Краевед, – позвал он сурово.

– Что?

– Ты бы помолчал минут пять. Мне сосредоточиться надо, разобраться. А то заладил, понимаешь, про колбасу.

– Я тебе не Сталкер, о философии размышлять, – огрызнулся Денис.

– Читал? – голос Черноусова потеплел.

– Смотрел, – возразил Денис.

С первой дверью они провозились до позднего вечера. Стену пришлось изрядно разворотить, чтобы найти, за что зацепиться. Затем Черноусов достал баллончик с волшебной жидкостью «ВД-40» и изрядно полил всё вокруг. После десяти минут ожидания домкрат легко отжал дверь.

В нос сразу ударил резкий кислотный запах. Комната оказалась совсем крохотной – скорее кладовка, чем комната. Вдоль стен стояли узкие стеллажи, их покрывала какая-то слизь, начинающаяся под потолком и перетекающая с полки на полку медленно, словно фантастический глетчер. Достигнув пола, слизь подсыхала, превращалась в стеклообразную массу, и хрустела теперь под ногами.

– С потолка капает, – предупредил Денис, посветив фонариком. – Похоже, наверху проело отстойник сорокового завода.

– Сорокового? – усмехнулся Черноусов.

– Ну да, так его и называли, – подтвердил Денис, не находя в номере завода ничего смешного.

На одной из полок под слоем слизи стояли две дюжины небольших пластмассовых коробочек. Большинство было вскрыто, опрокинуто на бок, но несколько штук оставались нетронутыми. Черноусов достал резиновые перчатки, натянул их неспешно, подкрутил фонарик на каске, фокусируя луч, и осторожно снял одну из коробок.

Крышка открылась легко, стоило лишь надавить на выступы по бокам. Внутри в полупрозрачной и вязкой жидкости плавало нечто похожее на большого червя или личинку.

– Формалином не пахнет, – сказал Черноусов, подгребая воздух к носу ладонью. – Больше на спирт похоже. Но запах слабый, да и густовато оно для спирта.

– Заспиртованный червяк? – предположил Денис.

– Хочешь попробовать? – улыбнулся Черноусов. – Китайцам нравятся такие штучки. Змеи, личинки, червяки. Говорят, свойства у них целебные. Чем противнее выглядит, тем, значит, целебнее.

Дениса передёрнуло.

– У меня не болит ничего, – сказал он.

– Пожалуй, возьму пару штук для анализа, – решил Черноусов и тут же принялся засовывать коробочки в сумку. – Есть у меня, знаешь ли, приятели, которые в таких вещах разбираются. Посмотрят, проверят, что за тварь такая.

Лечебный массаж был единственной приятной процедурой во всём садистском курсе реабилитации. Правда, ноги почти не чувствовали пальцев массажиста, но хоть спина расслаблялась по настоящему. Если бы не осмотр лечащего врача, Алёнка записала бы вечер в актив. Но визит доктора оставил чувство брезгливости. И его улыбка, и его голос, а главное – сам осмотр. Вот же извращенец. Что за страсть такая к инвалидам?

Переведя дух, Алёнка прикатила в холл. Всякий раз к вечеру здесь собиралась целая толпа пациентов, и они долго спорили какой из сериалов смотреть. Алёнка сериалы не любила и обычно уезжала в палату после того как народ приходил к компромиссу. Сегодня, однако, холл оказался совершенно пустым, и сделать выбор предстояло ей самой. Эта возможность неожиданно поставила её в тупик, так что, немного подумав, она просто включила телевизор, не выбирая канала.

Из вечерних новостей Алёнка узнала, что встречаются на свете люди, которым куда хуже, чем ей.

Бомжа не убирали с улицы двое суток, пока об этом безобразии не сообщили в репортаже городских новостей. Тогда в сопровождении съёмочной группы и милиционера, за ним, наконец, приехали. На видеокамеру, точно мотыльки на свет, слетелись детишки, быстро протянулись окрестные бабушки, готовые бесстрашно обличать и власть, и бомжей, а также припомнить всё прочее, что наболело за долгие годы. Скоро возле лежащего бомжа собралась внушительная толпа.

Однако рядовой сюжет, призванный показать безответственность городских служб, вылился в настоящий кошмар. Труп при ближайшем рассмотрении оказался живёхоньким. Настолько, что, выйдя из комы, или в чём он там находился, бомж прямо перед телекамерой разорвал санитару горло, причём сделал это голыми руками, словно какой-нибудь элитный спецназовец. Он уже пошёл на журналиста и оператора, толпа в ужасе бросилась в разные стороны, но тут на сцену вышел милиционер и пристрелил безумца единственным точным выстрелом.

Дрожащим, но хорошо поставленным голосом, репортёр сообщил, что санитар до сих пор находится в реанимации и его состояние врачи оценивают как критическое, труп странного бомжа отправлен в морг второй городской больницы, а храбрый милиционер представлен начальством к поощрению.

Алёнка выключила телевизор и поёжилась. Морг располагался в соседнем здании. Она даже смогла бы увидеть его из окна, если бы отважилась посмотреть.

Она набрала номер Дениса, но его телефон оказался вне зоны доступа. Так часто случалось, когда тот бродил по своим любимым коллекторам. Она опять задумалась о том, будет, когда он уйдёт от неё. Вот так, примерно, и будет. Некому успокоить, просто выслушать. Она останется один на один со своими страхами. Страхами куда большими, чем свихнувшийся бомж.

Ночью Алёнке снились кошмары. Змеи нападали на неё, а она не могла убежать, спрятаться. И Дениса не было рядом.

Операция прошла быстро и без осложнений. Доктор почти не разговаривал, сосредоточенно ковыряясь в брюхе, словно стахановец в угольном пласте, а Никитин, отгороженный белой занавеской, воображал ход операции, ориентируясь по толчкам, так как все прочие ощущения отсекал фильтр местного наркоза.

Потом Никитина отвезли в палату, напоминающую гостиничный номер люкс. Темнокожая, но явно не местная, медсестра открыла шкафчик, жестом показала на пижаму и тапочки, затем указала на кнопку вызова, на чемоданчик Никитина, поставленный возле кровати, сунула в руку пульт видеосистемы.

– Отдыхайте, – то ли пожелала, то ли приказала индианка на английском. По единственному слову Никитин не смог определить её национальность, уловить акцент. Но это было не важно сейчас.

Когда сестра вышла, он нашарил рукой дипломат, достал шприц и, стянув колпачок зубами, вколлот себе транквилизатор. Он мог бы попросить об услуге доктора, но к чему лишние расспросы и объяснения, да и своё зелье как-то надёжней. Неизвестно как поведут себя новомодные шадящие препараты. Не пощадят ли они вместе с доктором Джекиллом и мистера Хайда?

Риск невелик, конечно. С каждой пересадкой адаптивный период становился короче, а эффект от шока слабее, но всё же ему совсем не улыбалось превратиться даже на время в маньяка-берсеркера и переломать в гостеприимной клинике мебель.

Он заснул с улыбкой на лице. Ему снился Марс.

Денис всю ночь проворочался на лабораторном столе, скармливая исходящему от железа холоду то один бок, то другой, а про себя ругал клиента, который не захотел возвращаться для ночёвки на поверхность. Сам-то Черноусов устроился в пуховом спальнике, изъятom из бездонной сумки, а Денису в качестве одеяла и простыни пришлось довольствоваться брезентовой курткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.